

ALEKSANDER KIKLEWICZ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ЯЗЫКОВЫЕ РЕФЛЕКСИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ АФАНАСИЯ ФЕТА

LANGUAGE REFLECTIONS IN *MEMOIRS* OF AFANASIY FET

The article's subject is the linguistic analysis of language reflections in two volumes of memoirs of the outstanding Russian poet Afanasy Afanasyevich Fet (1820–1892), published in 1890. Language reflection is understood as a text fragment, the content of which is directly related to the elements of the language system, language behavior, or precedence texts as products of language activity. The author distinguishes several types of language reflections: references and textual reminiscences, speech characteristics of persons and events, linguistic remarks on lexical, pragmatic, phonetic, and other speech characteristics, description of verbal (poetic) creativity, as well as remarks on interlingual communication. The nature of Fet's language reflections is interpreted from the point of view of the poet's worldview and his personality. Keywords: memoirs, writer's language, style, textual reminiscence, language reflection, language personality

ВВЕДЕНИЕ

Выдающийся русский поэт Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) был известен не только как тонкий лирик, продолжатель романтической традиции, заложенной в русской литературе Василием Андреевичем Жуковским, но также как переводчик (художественной и философской литературы), прозаик и литературный критик, общественный деятель. Значительным явлением в литературе стали изданные в 1890 г. *Воспоминания* Фета. Они охватывают период жизни поэта, начиная с 1848 г. — его службы в гвардейском полку, и заканчивая событиями 1889 г., т.е. за год до публикации книги и за три года до его смерти.

Воспоминания Фета уже становились объектом лингвистических исследований¹. В предлагаемой статье будет рассмотрен

¹ Т.А. Капырина, *Поэтика прозы А.А. Фета: сюжет и повествование*, Коломна 2006 [диссертация]; Л.И. Черемисинова, *Из творческой истории мемуаров*

новый аспект: рефлексии автора, касающиеся речевого поведения персонажей, отдельных элементов и характеристик языковой системы, а также прецедентных текстов. Такая постановка проблемы связана с современным антропологическим языкознанием, предметом которого является изучение языка с точки зрения практического и интеллектуально-духовного опыта представителей определенной культурной общности. В лингвистических исследованиях последнего времени широкое распространение получила идея языковой апроприации (англ. *language appropriateness*), т.е. усвоения языка в соответствии с характеристиками и установками конкретной личности². Эта идея заключена в теории языковой личности, предложенной Юрием Н. Карауловым. Принятый в данной теории антропологический подход опирается на «представление о личности, реализующей определенный стиль жизни, отражаемый в стиле употребления языка, т.е. соединяет социально-поведенческий контекст с речевым»³. Языковая личность определяется как «многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения»⁴. При этом языковая личность включает характеристики двух типов: активные (Караулов пишет о способностях и умениях в области производства речевых сообщений) и реактивные (Караулов указывает также на «готовности» при восприятии речи). Характеристики первого типа подробно изучены в области идиолекта (или идиостиля) писателя. В то же время отдельные индивиды и группы индивидов различаются языковыми установками, т.е. способами восприятия и оценки языковых фактов. Так, Анджей Марковский⁵ различает несколько типов языковых установок

А.А. Фета, «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина» 2008, № 1(4–1); Н.О. Косицына, Н.С. Кретьева, *Иноязычные вкрапления в воспоминаниях А. А. Фета*, «INCIPIO» 2014, № 9; Я.С. Рудкович, *Наименования супругов в «Воспоминаниях» А.А. Фета*, «INCIPIO» 2015, № 10; Н.П. Генералова, *Забывшие слова в «Воспоминаниях» Фета // Стихи имеют право...*, ред. Н.П. Генералова, ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург 2020 и др.

² R. Aghyeyisi, J. A. Fishman, *Language Attitude Studies: A Brief Survey of Methodological Approaches*, «Anthropological Linguistics» 1970, вып. 12 (5).

³ Ю.Н. Караулов, *Русский язык и языковая личность*, Издательство ЛКИ, Москва 2010, с. 22.

⁴ Там же, с. 71.

⁵ A. Markowski, *Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne*, PWN, Warszawa 2005, с. 126 и др.

(польск. *postawa wobec języka*): пуризм, консерватизм, перфекционизм, либерализм, индифферентность и др.

Совершенно очевидно, что в случае поэтической личности мы имеем дело с определенной и при этом специфической языковой установкой, для которой характерна восприимчивость и креативность. Этим объясняются многочисленные лингвистические рефлексии поэтов, о которых — с привлечением обширного материала русской литературы — пишет Борис Ю. Норман⁶. По утверждению данного автора, «поэты тонко чувствуют и отражают в своем творчестве не только общую природу, но и частные вопросы языка»⁷.

Проблема языковой креативности касается прежде всего литературного творчества, в котором, как известно, языковой материал не только употребляется для оформления смысла, но и играет важнейшую роль в его формировании (особенно в литературе модернизма). Однако и в случае мемуарной литературы проблема языковой установки актуальна и, возможно, даже в большей степени, так как жанр дневника или воспоминаний позволяет автору прямо высказывать свое отношение к проблемам языка и комментировать языковые факты.

Данные предпосылки лежат в основе предложенного в статье исследования языковых рефлексий Фета в двух томах его *Воспоминаний*. Гипотеза состояла в том, что общая картина языковых рефлексий Фета отражает его личность, с одной стороны — его литературное творчество, с другой стороны — его происхождение, социальный статус, образ жизни, круг знакомств и мировоззрение. Именно этим, социально-культурным фактором (Фет, как известно, имел наполовину немецкое происхождение) объясняется то, что, как пишет Оксана Н. Жердева⁸, в его *Воспоминаниях* часто упоминаются факты немецкой культуры, особенно немецкая философия (Гегель, Кант, Шопенгауэр) и художественная литература (Гете, Гейне, Шиллер).

Языковые рефлексии Фета представлены несколькими типами, которые будут рассмотрены в отдельных разделах. К ним относятся 1) литературные ссылки и текстовые реминисценции;

⁶ Ю. Ю. Норман, *Языковые категории в сознании и творчестве русского поэта*, Peter Lang, Frankfurt am Main 2020, с. 9 и др.

⁷ Там же, с. 26.

⁸ О. Н. Жердева, *Маркеры немецкой культуры в «Воспоминаниях» А. А. Фета*, «Языки и литература в поликультурном пространстве» 2022, № 8.

2) речевые характеристики лиц и событий; 3) лингвистические наблюдения; 4) описание словесного творчества; 5) межъязыковые наблюдения. Все цитаты приводятся по изданию 1983 г., доступному в интернете⁹.

ТЕКСТОВЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Одной из наиболее заметных характеристик стиля *Воспоминаний* Фета является значительное число ссылок на литературные явления и факты, а также литературных цитат. По утверждению Адама Е. Супруна¹⁰, механизм появления текстовых реминисценций в тексте состоит в том, что в процессе производства нового текста автор вспоминает какую-то ситуацию или выражение из старого текста и включает ее в новый текст с расчетом на то, что его содержание будет обогащено дополнительными элементами. Кроме того реминисценции могут включаться в текст неосознанно.

Можно различать три аспекта текстовых реминисценций в *Воспоминаниях* Фета: 1) источник; 2) целевая область рассуждения, т.е. фрагмент содержания текста, для репрезентации которого употребляется ссылка или цитата; 3) прагматическая функция.

Что касается источников текстовых реминисценций, они указывают на личность поэта: чаще всего употребляются цитаты именно из поэтических текстов — Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Горація, Марциала, Гейне, Шекспира и др. На втором месте по частоте употребления выступают пословицы — в тексте отмечено 12 таких единиц. Прозаических текстов как источников текстовых реминисценций не много — Фет обращается к произведениям Сервантеса, Лермонтова, Гоголя и Достоевского. Кроме того в тексте *Воспоминаний* встречаются текстовые апелляции к Библии и армейскому фольклору.

Текстовые реминисценции можно рассматривать как явление вторичной номинации: выражение, заимствованное из некоторого источника, употребляется в новом контексте, как пра-

⁹ <https://traumlibrary.ru/book/fet-vozpominania/fet-vozpominania.html> (15.10.2023).

¹⁰ А. Е. Супрун, *Текстовые реминисценции как языковое явление*, «Вопросы языкознания» 1995, № 6, с. 22.

вило, с целью более точного и выразительного представления смысла. Одним из аспектов текстовых реминисценций является характер целевой области рассуждений повествователя, для выражения которой привлекается цитата из чужого текста. Цитаты и литературные ссылки в тексте *Воспоминаний* преимущественно употребляются при описании или представлении событий, явлений, предметов, например:

- (1) Конечно, генерал протестовал против подобной демонстрации, но «один в поле не воин», — отворили двери клуба, пустили трубачей вперед, подхватили генерала и понесли по улицам.
- (2) Туда, в довольно просторный, занимаемый офицерами эскадрона дом, Мальвина появлялась, по выражению Некрасова, «хозяйкой полною».
- (3) Балы эти по всей обстановке и току были безукоризненны и, вспоминая Лермонтова, надо бы проговорить:
«Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль».

Другая целевая область — рефлексии автора, предмет которых варьируется в широком диапазоне: Фет привлекает цитаты, когда рассуждает о прошлом (в связи с посещением отчего дома), о мотивах человеческих поступков, о любви, об отношениях между верой и действительностью, о ведении сельского хозяйства и др. Несмотря на разнородность этих тем существует определенная закономерность обращения к цитатам: необходимость текстовой реминисценции возникает в случае рассуждений о наиболее сложных, диссипативных явлениях — привлечение цитаты выполняет, в принципе, аргументирующую функцию: она продолжает линию рассуждений автора, а дополнительно может вызывать эмоциональный или эстетический эффект.

С функциональной точки зрения текстовые реминисценции в *Воспоминаниях* Фета более однородны. Супрун¹¹ писал, что реминисценции обычно служат наиболее четкой, соответствующей замыслу автора передаче некоторого фрагмента сообщения с опорой на предшествующий словесный опыт. Такого рода аргументирующая функция наиболее регулярно реализуется при употреблении пословиц, ср.:

- (4) Недаром сказано: «Вера без дел мертва», и никакие слова не в состоянии заменить влияния, производимого делом.

¹¹ Там же, с. 27.

В принципе, можно было бы представить этот фрагмент текста без его первой части:

(5) Никакие слова не в состоянии заменить влияния, производимого делом.

Автор, однако, использовал пословицу — по-видимому, с целью усиления воздействия на читателей. Тем самым в тексте не только сообщается некоторая мысль, но и — в сжатой форме — приводится ее аргументация:

(6) ПРЕДПОСЫЛКА 1: Слова не в состоянии заменить влияния, производимого делом.

ПРЕДПОСЫЛКА 2: Подобный смысл заключен в пословице: «Вера без дел мертва».

СЛЕДСТВИЕ: Ни у кого не должно вызывать сомнений, что слова не в состоянии [...].

Ссылка на пословицу как прецедентный текст имеет стимулирующий характер: она усиливает прагматический эффект, заложенный в основном сообщении.

Другой пример:

(7) Сознание о высшей силе, подводящей окончательные и нередко неожиданно благо-приятные итоги нашими желаниям, выражается даже в самоопределении такого отрицательного существа, как Мефистофель, который указывает на себя как на:

«Той силы часть и вид,
Что вечно хочет зла и век добро творит».

Здесь Фет — в духе фатализма — высказывает мысль о том, что человеческое поведение обусловлено обстоятельствами и действием некоторой «высшей силы». Чтобы эта мысль не вызывала сомнений у читателей, автор ссылается на фрагмент из *Фауста* Гете, в котором описана прецедентная ситуация такого же рода.

Аргументация чаще всего усиливает эффект содержащихся в тексте рефлексий автора, тогда как в случае разного рода описаний текстовые реминисценции служат для типизации события или предмета. В качестве примера рассмотрим следующий фрагмент:

(8) Говорить не хотелось. Наступила минута, про которую говорят: «Тихий ангел пролетел».

Автор описывает здесь конкретную, достаточно тривиальную ситуацию, и характер повествования, в принципе, не требует дополнительной аргументации. Для сообщения о наступившей тишине Фет, однако, употребляет поговорку¹², указывая тем самым на то, что описываемая ситуация типична и каждый из читателей в состоянии представить себе то, что происходило с автором.

Поскольку текстовые реминисценции — это прецедентные, известные большинству представителей данного сообщества языковые выражения (в первую очередь это относится к пословицам), в речевой коммуникации они реализуют также эмпатическую функцию: реминисценция описывает некоторую типичную, известную широкому кругу читателей ситуацию и тем самым указывает на взаимность как прагматическую установку автора. Взаимность, как указывается в психологической литературе¹³, — это категория, которая способствует эффективности коммуникативных действий, что, как видим, имеет также отношение к мемуарной литературе.

Регулярное привлечение литературных цитат создает дополнительный эстетический эффект: действительность реальной жизни, которую описывает Фет, переплетается с действительностью художественных текстов, вкрапленные в повествование поэтические реминисценции вызывают у читателей эстетическое удовольствие.

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ И СОБЫТИЙ

Языковые рефлексии Фета касаются речевого поведения людей его круга, прежде всего родственников и знакомых, сослуживцев по армии, писателей (в первую очередь принадлежащих к кругу журнала «Современник»). Такого рода языковые характеристики представлены двумя типами. К первому, немногочисленному типу относятся речевые стереотипы, т.е. выражения, характерные для некоторой социальной группы:

- (9) Я выбежал в сени и, услышав от слуги обычное: «Сейчас!» — на некоторое время успокоился. Однако через полчаса я снова вышел в сени с вопро-

¹² Первоисточник — поэма *Две были и еще одна* (1831) русского поэта Василия Андреевича Жуковского.

¹³ K. Dutton, *Zaklinanie umysłu. Perswazja w gnieniu oka*, перев. R. Madejski, MUZA, Warszawa 2018, с. 175 и др.

сом: «Что же лошади?» На новое: «*Сейчас!*» я воскликнул: «Помилуй, брат, я уже два часа жду! Узнай пожалуйста, что там такое?»

- (10) Слуги прежних времен принимали молчаливо всякого рода замечания, тогда как крепостные либералы почитали нравственным долгом всякому оправданию предпосылать: «*Помилуйте-с, помилуйте-с*».
- (11) Пока мы проходили к выходу, раздавались шумные возгласы немцев, настойчиво требовавших содержателя сада по поводу каких-то упущений. «*Нельзя так бессовестно грабить публику!*» — восклицали возбужденные голоса. «Вот, думалось мне, люди, способные охранять общественные интересы. Это не то, что у нас, где никто не закричит, пока его не трогают, и потому поневоле будет кричать в одиночку».

В первых двух случаях Фет приводит выражения, типичные, с его точки зрения, для речевого поведения слуг, в третьем случае обращает внимание на публичное выражение неудовлетворения в немецкой культурной среде, не характерное, по его мнению, для русских.

Второй тип языковых характеристик — это разного рода речевые феномены, т.е. языковые ошибки, окказионализмы и неологизмы, специфические формы лексической сочетаемости, нарушения речевого этикета, индивидуальные формы речевых актов и др. Среди персонажей книги наибольшее внимание при этом уделяется Ивану Сергеевичу Тургеневу, который, по мнению Михаила В. Строганова¹⁴ (2006), в *Воспоминаниях* Фета является ключевой фигурой. Одним из элементов речевого портрета Тургенева являются его лексические номинации:

- (12) Но он [Тургенев], освоившийся со складом европейской жизни, представлял Россию каким-то параличным телом, которое нужно гальванизировать всеми возможными средствами, стараясь (употребляю собственное его выражение) *буравить это тело всяческими буравами*, в том числе и грамотностью.
- (13) Конечно, такое заражение шло медленнее, и когда Тургеневу приходилось поджидать меня, он всегда обзывал мои снаряды «*сатанинскими*».
- (14) [...] Тургенев в свою очередь, упрекая меня в боязни жестоких слов: «*Европа, пистолет, цивилизация*», — упрекает в то же время в сочувствии к другим: «*Русь, ерунда, гашик?*»

Тургенев выделяется на фоне других персонажей *Воспоминаний* прежде всего своими необычными реакциями на высказывания партнеров по диалогу: зачастую они имеют чрезвычайно эмо-

¹⁴ М. В. Строганов, *К истории создания Фетом книги «Мои воспоминания» // Афанасий Фет и русская литература: XX Фетовские чтения*, ред. Н. З. Ковина, М. В. Строганов, Издательство КГУ, Курск 2006.

циональный характер. Примером может служить описанный в книге разговор с графом Николаем Толстым (братом Льва Николаевича Толстого):

- (15) — Странное дело, сказал однажды при подобном случае Тургенев, — никогда я не замечал, чтобы Фет отказался от Редерера¹⁵. Ну а вы, граф, как? расположены ли к нему по временам или всегда?
С секунду промедлив ответом, Ник. Ник. самым добросовестным тоном ответил:
— *Скорее всегда.*
Сопоставление этих двух определений окончательно срезало Тургенева. С неудержимым хохотом повторяя: «скорее всегда», — он со стула повалился на пол и некоторое время, стоя на четвереньках, продолжал хохотать и трястись всем телом.

В силу того, что разного рода окказионализмы не соответствуют языковой норме или системе языка, они — при описании отдельных персонажей — приводятся Фетом с явным намерением вызвать комический эффект. Вот несколько примеров:

- (16) Уже со второй станции он [слуга] подошел ко мне и стал сиротливым голосом просить: — П... п... п... пожалуйста мне хоть что-нибудь, хоть вот *такуичку*, п... п... *пропустить*. При этом он показывал половину своего запыленного мизинца. Конечно, не желая возить пьяного, я на каждой станции до самого дома давал ему денег только на *такуичку*.
(17) Когда, бывало, играя с другими детьми, он прищепит руку, то начнет кричать: «*Ой нога, нога*», — и, невзирая на вразумления товарищей, восклицавших: «Саша, да ведь ты руку прищепил», — продолжал кричать: «*Ой нога, нога*».
(18) И доставая из кармана детскую соску, украшенную розовым бантом, он передал ее хозяину.
— Таким образом, — заметил Корш, — мы, господа, кончаем «*сосцеологией*».
(19) Между тем, не помню, каким образом, но, вероятно, за общим столом Испанской гостиницы мы неожиданно встретились с Некрасовым и Панавой. По этому поводу, как я после узнал, Герцен сказал: «*Некрасов в Риме то же, что щука в опере*».
(20) Когда чухонец доставил в штаб мой конверт, один из полковых остряков воскликнул: «*Вот и эста-Фет прислал!*»
(21) — Теперь таких рослых людей, какие были в старину, уже нет. [...] Возможен ли в наше время *Гораций как лес* (Коклес)?¹⁶

Чаще всего Фет обращает внимание на характерные для тех или иных персонажей лексические и фразовые номинации — примерами этого типа могут служить текстовые фрагменты:

¹⁵ Популярная в России XIX в. марка французского шампанского.

¹⁶ Публий Гораций Коклес — полубогатый древнеримский герой.

- (22) Сберегая уголь, английские фрегаты ходили под парусами и, по совершенно справедливому замечанию Василия Павловича, *имели вид громадных хищных птиц, раскинувших крылья над волнами.*
- (23) Он, бывало, как раз подойдет к вечернему отцовскому чаю, наговорит ему много приятного насчет его лошадей и под конец, наклонившись ко мне, скажет вполголоса: *«А что, не заглянуть ли нам в Капернаумчик?»*¹⁷
- (24) *«Фить, фить!»* — проговорил отец, щелкая пальцами (это было ему обычным обозначением легкомыслия), — а впрочем, поезжай, уж если так тебе хочется».
- (25) *«Да будет вам, маменька, отвечал Сергей Семенович, целуя дрожащую руку старушки (он всегда говорил «будет» вместо «довольно»).*
- (26) У более бережливых из нас скоплялись деньги, которые мы превращали в появившиеся тогда билеты восточного займа, которые при нашей бродячей жизни мы носили в сумочках на шее. Ипполит Федорович называл эти сумочки *«восточным вопросом».*
- (27) [...] Любимым его напитком был портер, который в то время несомненно привозился из Англии и поэтому, вероятно, считался у него неподдешаным.
— Выпьем, Афоня, с тобою *чистого напитка,* — говорил князь.
- (28) Таким для нас в Ревеле был магазин торговца, коего фамилии на вывеске предшествовала *частица фон.* *Эта частица и гербы не редкость в немецких бюргерских фамилиях.*

Достаточно часто Фет обращает внимание на нетипичное коммуникативное поведение персонажей, а именно на речевые действия, которые по своему содержанию или форме не соответствуют нормам речевого этикета, коммуникативной ситуации или ожиданиям коммуникативных партнеров, например:

- (29) Последний, очевидно, любя свободу, устроился так, чтобы жить одному в большом доме смоленского имения, где проводил время, между прочим, расхаживая по пустым комнатам и напевая: *«Гром победы раздавайся».*
- (30) В такие дни обед обыкновенно заказывал Боткин, и когда затем какой-либо соус выходил особенно тонок и вкусен, Тургенев спрашивал Боткина: — А что ты скажешь об этом соусе? — Надо, — отвечал Боткин, — непременно позвать повара: *я буду плакать у него на жилетке.*
- (31) Между прочим, и Дружинин с улыбкою, протягивая мне обе руки, громко воскликнул: *«На суку извилистом и чудном!»*, повторяя мой, спасенный его разъяснениями, стих. С этих пор милый Дружинин постоянно встречал меня этим стихом.
- (32) Листы кустарника давно облетели, и когда я прибыл на смену нашему же офицеру, то он, указывая на темный развесистый обнаженный куст, со смехом сказал: *«Оставляю вам в наследство прекрасную беседку».*
- (33) — Позвольте, сказал я отдохнувши, высказать некоторые мысли, на которые попрошу вас сделать свои замечания.

¹⁷ Имеется в виду посещение ресторана.

ЯЗЫКОВЫЕ РЕФЛЕКСИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ...

- *Но я тоже хочу поместить свое словечко.*
 - Я об этом только вас и прошу, но позвольте прежде мне сказать несколько слов.
 - *Но я все-таки хочу сказать свое словечко.*
 - Вам угодно говорить предварительно, — я вас слушаю.
 - Нет, я не знаю, о чем вы желаете говорить.
 - В таком случае позвольте мне высказаться.
 - *Но я тоже хочу поместить свое словечко.*
 - Вы же не даете мне говорить.
 - *Но я все-таки хочу поместить свое словечко.*
- И так до бесконечности, пока я не встал и не ушел, громко хлопнув дверью.

Как видно из приведенных примеров, специфические формы коммуникативного поведения в *Воспоминаниях* Фета преимущественно имеют юмористический характер. Подобным же образом в книге представлен Михаил Александрович Языков. Фет пишет о нем:

- (34) Он был человек весьма дельный и, помнится, избираем был Тургеневым третейским судьей в каком-то щекотливом деле. Но когда на своих хромяющих и от природы кривых ножках он с улыбкою входил в комнату, каждый, протягивая ему руку, был уверен, что услышит какую-либо нелепость.

Фет описывает забавную ситуацию застолья, когда (по принятой в русской культуре традиции) присутствующие в определенной очередности произносят тосты:

- (35) — Языков, Языков желает сказать спич! — раздались хихикающие голоса. Языков, высоко поднимая бокал и озираясь кругом, серьезно произнес:
*«Хотя мы спичем и не тычем,
Но чтоб не быть разбиту параличем...»*
и сел. Раздался громкий смех, что и требовалось доказать.

Языковая креативность персонажей проявляется не только в формах лексической и прагматической апроприации языка, но также в поэтических экспромтах, особенно часто выступающих в литературной среде, прежде всего в кругу писателей, связанных с журналом «Современник». Показательна в этом отношении следующая сцена:

- (36) Во время одного из таких посещений, на требование чаю со стороны Тургенева, Иван объявил, что чай весь вышел. — Помилуй, любезный друг! — воскликнул изумленный Тургенев. — Как же мог так скоро выйти чай, когда я только третьего дня принес фунт? — Помилуйте-с, помилуйте-с, — отвечал Иван, — стаканы малы.

Ожидавший в числе прочих чаю Некрасов не преминул воспроизвести эту сцену в следующем стихотворении:
 Стол накрыт, подсвечник вытерт,
 Самовар давно кипит,
 Сладковатый немчик Видерт
 У Тургенева сидит.
 По запросу господина
 Отвечает невзначай
 Крепостной его детина,
 Что «у нас-де вышел чай».
 Содрогнулся переводчик,
 А Тургенев возопил:
 «Чаю нет! Каков молодчик!
 Не вчера ли я купил?»
 Замечание услышал
 И отвечивал Иван:
 «Чай у нас так скоро вышел
 Оттого, что мал стакан».

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

В *Воспоминаниях* представлены также языковые рефлексии, которые не связаны с характеристикой какого-либо персонажа. Чаще всего это фрагменты повествования, в которых автор обращает внимание на разного рода факты лексической номинации, выходящие за рамки общелитературного языка и общепринятого узуса. Так, описывая одежду приехавших на ярмарку крестьянок, Фет приводит диалектные слова, специально заключая их в кавычки:

- (37) В то время кичка из царила во всем своем преемственном величии с широкою золотою «сорокою» надо лбом, пестрым «чельишом» между верхними углами, крупным бисерным «подзатыльником» и обильными и разноцветными лентами, спадавшими на спину и носившими название «лопастей».

Описывая — в другом месте книги — торг лошадьми, Фет приводит слово из жаргона табунщиков:

- (38) В это время другой табунщик садился на оседланную, так называемую «икрючную».

Нетривиальный характер имеют, с точки зрения автора, также ситуации, когда форма лексического знака не соответствует

его содержанию. Примером может послужить следующий отрывок:

- (39) Такая мысль была, быть может, отчасти в связи с тем, что у Ковалевского действительно был слуга негр, вывезенный им из Абиссинии много лет тому назад. Он окрестил его, назвал *Николаем* и дал ему вольную.

Фет никак не комментирует данного факта, но понятно, что он попал в поле его зрения отчасти и в силу того, что носителем русского имени *Николай* является выходец из Абиссинии. На подобное несоответствие указывает Фет и в другом месте книги, где описывает историю изменения своей фамилии: до 14-летнего возраста он носил фамилию отца *Шеншин*, однако после того, как выяснилось, что лютеранское благословение на брак его родителей не имело в России законной силы (мать поэта была немкой), а православное браковенчание было совершено после его рождения, духовная консистория отменила крестильную запись Афанасия как законного сына Шеншина — и он получил фамилию *Фет*, одновременно лишившись потомственного дворянства. В *Воспоминаниях* поэт описывает двойственность состояния, в котором он находился, будучи одновременно и *Шеншиным*, и *Фетом*:

- (40) Эта двойственность истины с официальной ее оболочкою, навлекавшая в течение 3-х лет на меня столько неприятных вопросов и насмешек, продолжала сопровождать меня в жизни и все время почти годичного пребывания моего в пригостительном пансионе М. П. Погодина и окончилась совершенно театральным изумлением знакомой мне молодежи, когда, по вызову экзаменатора по фамилии Фет, вышел к экзамену знакомый им Шеншин. За все время моего студенчества, я, приезжая на каникулы домой, по какому-то невольному чувству не только не искал объяснений по гнетущему меня вопросу, но и тщательно избегал его, замечая его приближение.

С лингвистической точки зрения интересен также следующий отрывок, в котором Фет описывает свою деятельность в качестве мирового судьи по Мценскому уезду:

- (41) В первое время, не оглядевшись на занимаемом месте, я, подобно другим мировым судьям, стал говорить крестьянам на суде: «вы», в подражание французским судьям, говорящим «вы», так как там это местоимение прилагается ко всем, но нимало не стесняющимся прибавлять: «вы — негодай, внушающий омерзение» и т.д. Но когда свидетельница-старуха крестьян-

ка сказала мне: «Я уж тебе два раза говорила, что была одна, а ты мне все 'вы'», — я исцелился совершенно от этого приема, даже непонятного русскому человеку. И вот в настоящее время, через 22 года, я с удовольствием заметил, что целый мировой съезд в публичном заседании отвергает эту вычуру и обращается к крестьянам точно так же, как они обращаются к судьям со словом «ты».

Здесь Фет рассуждает о целесообразности употребления множественного числа *вы* при обращении к собеседнику. Неуместность данной формы Фет объясняет тем, что обращение на «вы» было нетипично для представителей низшего класса — неприятие этой формы было связано с несоответствием между множественным числом и единичной референцией местоимения.

В своих *Воспоминаниях* Фет обращает также внимание на лексические лакуны — явление в языке или отдельном идиолекте, когда отсутствует название предмета (имеющееся в другом языке или идиолекте):

- (42) За первым блюдом она ушла и, подойдя к растворившейся в стене дверке, стала с блюдом в руках обходить обедающих. Маневр этот был для меня до того неожиданным, что не успел я прийти в себя, как она уже стояла около меня, предлагая взять *кусочек чего-то... чего? не умею сказать*.

Проблема соответствия между планом содержания и планом выражения знака находит проявление также в формах репрезентации речи¹⁸, т.е. специальных метаязыковых комментариях, касающихся тех или иных номинативных единиц. С помощью маркеров репрезентации речи Фет указывает на то, что одному и тому же содержанию может соответствовать несколько языковых (лексических или фразовых) репрезентаций:

- (43) Она не входила, а, *так сказать, шествовала в комнату*, строго сохраняя щегольскую кавалерийскую выправку.
 (44) Но по мере накладки его, мы, *так сказать, завоевывали одну комнату за другой* из-под рук столяров, маляров и оклейщиков.
 (45) Когда я спросил его, что делать с волосами больной, которые, вероятно, будут падать от горячечного состояния, он [доктор] положительно сказал, что их надо остричь, иначе они будут, *как он выразился, «гунявые»*.
 (46) Так, он был градоначальником, органистом и проповедником в домовый лютеранской церкви и кроме того (*если не ошибаюсь в выражении*) — консулом.

¹⁸ О понятии «репрезентация речи» подробнее см. в работе: Н. Б. Мечковская, *Модальность и метаязыковой план высказывания*, «Russian Linguistics» 1993, № 17 (3).

ЯЗЫКОВЫЕ РЕФЛЕКСИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ...

- (47) Так было и в этот раз; и хотя Надя с любопытством слушала интересные подробности о Тургеневском путешествии, тем не менее сумела улучшить минуту переговоров с поваром, для того чтобы обед вышел, *по ее выражению*, — «с крыльями».
- (48) В действительности же мы могли только плохо мешать их высадке, защитить же город, *как выражался запуганный Мейер, от окончательного разгромления* мы были не в силах.

Эпизодически предметами лингвистических наблюдений Фета становятся другие аспекты языка, например, графическая форма представления текста. Так, описывая немецкий город Любек, автор обращает внимание на готические буквы, которыми на стенах домов «начертаны разные девизы и сентенции» (одновременно это замечание имеет и прагматический характер). В нескольких местах книги Фет, описывая структуру построек и усадеб, прибегает к графическим аналогиям: формы отдельных букв служат образцами для представления описываемых объектов. Вот один из таких примеров:

- (49) План дома представлял букву «глаголь», а флигель — как бы другую ножку буквы «пе», если бы верхняя часть, «глаголя», соприкасалась с этой ножкой; но так как между домом и флигелем был перерыв, то флигель выходил единицей, подписанной под крышею «глаголя».

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Фет довольно продолжительное время находился в многоязычной среде: окружающие его помещики, чиновники, писатели, офицеры свободно владели французским, который в XIX в. был в России неофициальным языком аристократии. Военная служба на эстонском побережье, а также заграничные путешествия способствовали тому, что Фет относительно часто вступал в контакты с носителями других языков: немецкого, итальянского и английского. Этим фактом объясняются межъязыковые наблюдения автора *Воспоминаний*.

Интерес Фета вызывает прежде всего инофония — явление, когда в речи появляется иностранное слово или выражение, неизвестное (и тем самым непонятное) одному из участников разговора, ср.:

- (50) Занавес поднялся, и я с ужасом услышал итальянские *legato* и *piccato*, из которых не понимал ни слова. В мыслях у меня промелькнуло что-то

вроде «Le mariage forcé» Мольера, где во французской пьесе распеваются испанские стихи...

Инофония выступает также в двуязычных диалогах. В ситуациях первого типа каждый из коммуникативных партнеров употребляет свой родной язык — это явление известно как семикоммуникация. Понятно, что достижение консенсуса в диалогах такого рода возможно в незначительной степени, что подтверждает следующий пример:

- (51) Стоящий против меня рыжеватый офицер, в фуражке с кокардой, хотя и медленно, все приближался и, подойдя шагов на десять, уже взялся под козырек, на что я отвечал ему тем же. А затем, подойдя уже шага на два, он спросил по-английски, насколько и понял, о здоровье императора Николая. Я поблагодарил и отвечал вопросом о здоровье королевы. Но на этом разговор наш кончился на невозможностью для меня вести его по-английски, а для англичанина — на каком-либо другом языке. Если и понимал его вопросы, например, — ловлю ли я рыбу, то «à la ligne, à l'hameçon» и «mit der Angel» — были для него одинаково непонятны.

В ситуации другого типа коммуникативные партнеры стремятся к кооперации, поэтому в качестве средства общения выбирается тот язык, который обеспечивает наилучшее понимание, ср.:

- (52) По-русски Мальвина говорила довольно понятно, но с сильным акцентом, почему, вероятно, *Василий Павлович говорил с нею всегда по-немецки.*

Ссылки на иностранный язык (степень владения, способ изучения и др.) довольно часто употребляются Фетом для характеристики отдельных персонажей:

- (53) Воспитывавшаяся за границей, *она плохо говорила по-русски*, но зато кроме немецкого хорошо знала французский, английский и даже итальянский языки, так как последние пять лет провела во Флоренции.
- (54) Пришлось бы мне снова отправляться в Москву искать гувернантку, если бы судьба не послала вам молодую француженку М-ле Оберлендер, которая, *невзирая на свою немецкую фамилию, не знала ни слова по-немецки.*
- (55) Изю всего семейства только он один *плохо говорил по-французски.*
- (56) Воспитанник юнкерской школы, он, как и все его семейство, *отлично говорил по-французски*, знаком был со старой и новейшей французской литературой.
- (57) Смышленный ребенок в три-четыре урока *совершенно усвоил себе механизм французского чтения* и, ни слова не понимая, читал довольно бойко.

СЛОВЕСНОЕ ТВОРЧЕСТВО

В предисловии к своим *Воспоминаниям* Фет пишет, что в его замысле не было «раскрытия тайников, из которых появлялись [...] стихотворения» — и действительно, описания поэтического творчества в книге немногочисленны. Как ни странно, все они представляют сцены коллективного творчества. Прежде всего речь идет о сотрудничестве Фета с Тургеневым, который редактировал его сборник стихотворений 1856 г., а также способствовал изданию фетовских переводов Горация в журнале «Отечественные записки»¹⁹. Тургенев действовал по поручению кружка журнала «Современник», что повышало его авторитет как редактора. Фет оценивает это сотрудничество негативно:

- (58) Конечно, я усердно благодарил кружок, и дело в руках его под председательством Тургенева закипело. Почти каждую неделю стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений. Там, где я не согласен был с желаемыми исправлениями, я ревностно отстаивал свой текст, но по пословице: «один в поле не воин» — вынужден был соглашаться с большинством, и издание из-под редакции Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько и изувеченным.

Фет приводит несколько ситуаций, когда предметом дискуссии писателей становились отдельные строки его стихотворений:

- (59) Досаднее и смешнее всего была долгая переписка по поводу отмены стиха: «На суку извилистом и чудном!» Очень понятно, что высланные мною, скрепя сердце, три-четыре варианта оказались непригодными, и наконец Тургенев писал: «не мучьтесь более над стихом «На суку извилистом и чудном»: Дружинин растолковал нам, что фантастическая жар-птица и на плафоне, и в стихах может сидеть только на извилистом и чудном суку рококо. И мы согласились, что этого стиха трогать не надо».

Тургеневское возражение по поводу конструкции *извилистом и чудном* представляется обоснованным: хотя прилагательные в сочинительной конструкции необязательно выражают значения из общей предметной области (например, *умный и честный*), однако в стихотворении Фета их семантическое различие

¹⁹ Тургенев проделал большую работу также по редактированию сборника Фета 1850 г. По подсчетам Н. П. Колпаковой, Тургенев вычеркнул 21 строфу, изменил 10, добавил две новые строфы, а кроме того выбросил или переработал 50 строк, изменил 8 заглавий, исправил множество слов и выражений. Данные по источнику: <https://culture.wikireading.ru/83106> (17.07.2023).

слишком бросается в глаза: первое прилагательное указывает на физические параметры предмета, а второе имеет оценочный характер.

Фет описывает несколько сцен, когда реакции Тургенева на его попытки предложить оптимальный вариант фразы носили исключительно бурный, несдержанный характер, например:

(60) На этот раз мы прочитывали пятый акт и дошли до того места, где Клеопатра, припустив к груди аспида, называет его младенцем, засасывающим насмерть кормилицу. На это Хармион, кончая стих, два раза восклицает: «O, break! O, break!» — которое Кетчер справедливо, согласно смыслу, переводит: «O, разорвись, разорвись, сердце!» Приняв во внимание неизменный мой обычай сохранять в переводах число строк оригинала, легко понять затруднение, возникающее на этом выдающемся месте. Помнится, у меня стояло: «O, разорвись!» Тургенев справедливо заметил, что по-русски это невозможно. Загнанный в неисходный угол, я вполголоса рискнул: «O, лопни!» Заливаясь со смеху, Тургенев указал мне, что я и этим не помогаю делу, так как не связываю глагола ни с каким существительным. Тогда, как заяц, с криком прыгающий над головами налетевших борзых, я рискнул воскликнуть: «Я лопну!» С этим словом Тургенев, разразившись смехом, сопровождаемым криком, прямо с дивана бросился на пол, принимая позу начинающего ползать ребенка.

В другом месте книги Фет вспоминает, что его товарищи по кружку «Современника», а также Лев Николаевич Толстой возражали против стихотворения:

(61) О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык!
[...]
И не зови — но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу —
И за тобой!

Главный упрек состоял в том, что решимость следовать «за тобой» противоречит началу стихотворения, а именно фразе *О, не зови!* Фет же в свое оправдание пишет:

(62) Как это ни невероятно, среди десятка толкователей, исключительно обладавших высшим эстетическим вкусом, не нашлось ни одного, способного самобытно разъяснить смысл стихотворения; и каждый, раскрыв издание 1856 года, может убедиться, что знатоки, не справившись со стихотворе-

нием, прибегли к ампутации и отрезали у него конец. А кажется, легко было понять, что человек влюбленный говорит не о своих намерениях следовать или не следовать за очаровательницей, а только о ее власти над ним. «О, не зови — это излишне. Я без того, слышав песню твою, хотя бы запелю без мысли обо мне, со слезами последую за тобой»²⁰.

Несколько иной характер имело сотрудничество Фета с филологами, прежде всего с преподавателем латинской словесности, немцем Максимом Германовичем Киндлером, который помогал Фету при переводе стихотворений Горация. Киндлер был сторонником абсолютной семантической точности при переводе, и того же требовал от Фета, который вспоминает, что «отыскивание [...] точных выражений доходило до зеленых кругов в глазах».

(63) Киндлер [...] вступал со мною в спор и, что замечательно, никогда ни разу по поводу латинских выражений, а по поводу русских. Изучивши литературную речь, он незнаком был с народною и вдруг при каком-либо обороте утверждал, что так нельзя сказать по-русски.

За полный перевод трудов Горация Фет в 1884 г. получил Пушкинскую премию Петербургской Академии наук в области литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный и представленный в статье анализ показал, что языковые рефлексии Фета составляют значительную часть кни-

²⁰ Трудно, однако, объяснить правомерность употребления слова *наудачу*: оно никак не связано ни с контекстом, ни с конструкцией фразы. Если *она запоем песню любви*, то совершенно очевидно, что не запоем *наудачу*; выражение *песня наудачу* также лишено смысла. В словаре В. И. Даля слово *наудачу* имеет значение: «на авось, на счастье, зря, наобум, наугад, как ни попало» — как видим, оно никак не вписывается в смысл текста. Похоже на то, что здесь мы имеем дело с так называемой подрифмовкой: *наудачу ... заплачу*. Николай Алексеевич Некрасов справедливо критиковал поэтическое творчество Фета: «Приличное стихотворение то и дело сводится на нет несколькими неудачными стихами». Источник: <https://www.oshibok-net.ru/news/350.html> (17.07.2023). Примером могут служить строки: *И в душу мощно просятя // Блистательные сны*. Трудно объяснить правомерность употребления наречия *мощно* в конструкции с глаголом *просятя*, а также прилагательного *блистательные* в конструкции с существительным *сны* — здесь можно констатировать языковую неаккуратность или даже языковую неряшливость автора.

ги его воспоминаний. Это подтверждает мнение о языковой апроприации, т.е. повышенной восприимчивости автора-поэта к языку и речевому поведению людей. При этом следует отметить, что языковые рефлексии в *Воспоминаниях* имеют избирательный характер: Фет преимущественно обращает внимание на факты, относящиеся к области лексической номинации и к области речевых действий, практически не замечая явлений, относящихся к области грамматики или семантики.

В мировоззрении Фета присутствуют элементы фатализма — не исключено, что под влиянием философии Шопенгауэра. Так, он пишет о «высшей силе, подводящей окончательные и нередко неожиданно благоприятные итоги нашими желаниям». По убеждению Фета, «какова бы ни была личная воля человека, — она бессильно выступить на круг, указанный Провидением». В *Воспоминаниях* он высказывает мнение, что «этот непреложный закон повторяется не только над усилием отдельного человека, но и над совокупными действиями многих людей». Эти утверждения поэта, однако, противоречат его деятельности в качестве помещика, хладнокровного дельца и государственного чиновника (в должности мирового судьи). Известно, например, что в 1884 г. он послал Льву Толстому стихотворение *Ласточки*, а на обороте листа советовал «попридержать пеньку, которая скоро на Москве вздорожает»²¹. Тот же источник в интернете сообщает, что поместья в Степановке и Воробьевке были доведены Фетом до состояния образцовых. Во время чистки прудов в Воробьевке обнаружилось, что их дно выложено мореным дубом, как паркетом, сохранившимся почти идеально. Современники вспоминали о Фете: «Говорил он больше о предметах практических, сухих, спокойно рассуждал о навозе, а жену Толстого учил правильно готовить щи»²².

Подобным же образом и языковые рефлексии Фета, скорее, представляют волевой и динамический характер языкового поведения: отдельные персонажи его книги достаточно свободно переходят с одного языка на другой, выбирают наиболее подходящие для себя формы лексической или фразовой номинации, создают неологизмы и окказионализмы, а также стихотворные

²¹ Источник: <https://godliteratury.ru/articles/2020/12/05/afanasij-fet-rydaiushchij-ogon> (17.07.2023).

²² Источник: <https://www.rudnikov.com/koenigsberg/evrej-afonja-iz-kjonigsberga-russkogo-p/> (17.07.2023).

экспромты, используют язык в юмористических целях. Творческий характер речевого поведения можно усматривать также в свободном обращении к прецедентным текстам.

Можно тем самым утверждать, что Фет, не будучи профессиональным лингвистом, неосознанно разделял концепцию языковой идиосинкразии: языковая система, в его представлении, не довлеет над человеком — напротив, человек является хозяином своего языка. Неслучайно Фет не обращает внимания на грамматический аспект речи, ведь грамматика человеку не подвластна. Эта установка в целом соответствует постулатам психологического языкознания второй половины XIX в. Леонид В. Сахарный²³ приводит типичное убеждение языковедов того времени: «Язык не есть вещь вне людей и над ними существующая для себя; он по-настоящему существует только в индивидуумах». В подобном духе язык представлен в *Воспоминаниях* Фета.

REFERENCES

- Agheyisi, Rebecca, Fishman, Joshua A. “Language Attitude Studies: A Brief Survey of Methodological Approaches.” *Anthropological Linguistics*, 1970, vol. 12 (5): 137–57.
- Cheremisinova, Larisa I. “Iz tvorcheskoy istorii memuarov A.A. Feta.” *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, 2008, no. 1): 42–47 [Черемисинова, Лариса И. “Из творческой истории мемуаров А.А. Фета.” *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 2008, № 1: 42–47].
- Dutton, Kevin. *Zaklinanie umyslu. Perswazja w mgnieniu oka*. Warszawa: MUZA, 2018.
- Fet, Afanasiy A. *Moi vospominaniya*. Moskva: Pravda, 1983 (1. izdaniye — 1890) [Фет, Афанасий А. *Мои воспоминания*. Москва: Правда, 1983 (1-е издание — 1890)].
- Generalova, Natal'ya P. “Zabytyyeslova v ‘Vospominaniyakh’ Feta.” *Stikhi imeyut pravo...* Generalova Natal'ya P. (ed.). Sankt-Peterburg: IRLI RAN, 2020: 35–40 [Генералова, Наталья П. “Забывтые слова в ‘Воспоминаниях’ Фета.” *Стихи имеют право...* Генералова Наталья П. (ред.). Санкт-Петербург: ИРЛИ РАН, 2020: 35–40].
- Карурина, Tat'yana A. *Poetika prozy A.A. Feta: syuzhet i povestvovaniye*. Kolomna, 2006 (dissertatsiya) [Капырина, Татьяна А. *Поэтика прозы А.А. Фета: сюжет и повествование*. Коломна, 2006 (диссертация)].
- Karaulov, Yuriy N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 2010 [Караулов, Юрий Н. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Издательство ЛКИ, 2010.].

²³ Л. В. Сахарный, *К тайнам мысли и слова*, Просвещение, Москва 1983, с. 8.

- Kositsyna, Natal'ya O., and Kretova, Natal'ya S. "Inoyazychnnye vkrapleniya v vospominaniyakh A.A. Feta." *INCIPIO* 2014, no. 9: 9–14 [Косицына, Наталья О., and Кретова, Наталья С. "Иноязычные вкрапления в воспоминаниях А. А. Фета." *INCIPIO* 2014, no. 9: 9–14].
- Markowski, Andrzej. *Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne*. Warszawa: PWN, 2005.
- Mechkovskaya, Nina B. "Modal'nost' i metazykovoy plan vyskazyvaniya." *Russian Linguistics*, 1993, no. 17: 279–297 [Мечковская, Нина Б. "Модальность и метаязыковой план высказывания." *Russian Linguistics*, 1993, no. 17 (3): 279–297].
- Norman, Boris Yu. *Yazykovyye kategorii v soznanii i tvorchestve russkogo poeta*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2020 [Норман, Борис Ю. *Языковые категории в сознании и творчестве русского поэта*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2020].
- Rudkovich, Yana S. "Naimenovaniya suprugov v 'Vospominaniyakh' A.A. Feta." *INCIPIO*, 2015, no. 10: 13–19 [Рудкович, Яна С. "Наименования супругов в 'Воспоминаниях' А. А. Фета." *INCIPIO*, 2015, no. 10: 13–19].
- Sakharnyy, Leonid V. *K taynam mysli i slova*. Moskva: Prosveshcheniye, 1983 [Сахарный, Леонид В. *К тайнам мысли и слова*. Москва: Просвещение, 1983].
- Stroganov, Mikhail V. "K istorii sozdaniya Fetom knigi 'Moi vospominaniya.'" *Afanasiy Fet i russkaya literatura: XX Fetovskiye chteniya*. Kokovina Nina Z., and Stroganov Mikhail V. (eds.). Kursk: Izdatel'stvo KGU, 2006: 104–113 [Строганов, Михаил В. "К истории создания Фетом книги 'Мои воспомина'ния.'" *Афанасий Фет и русская литература: XX Фетовские чтения*. Коковина Нина З., and Строганов Михаил В. (ред.). Курск: Издательство КГУ, 2006: 104–113].
- Suprun, Adam Ye. "Tekstovyye reministsentsii kak yazykovoye yavleniye." *Voprosy yazykoznaniiya*, 1995, no. 6: 17–29 [Супрун, Адам Е. "Текстовые реминисценции как языковое явление." *Вопросы языкознания*, 1995, no. 6: 17–29].
- Zherdeva, Oksana N. "Markery nemetskoj kul'tury v Vospominaniyakh A.A. Feta." *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve*, 2022, no. 8: 62–65 [Жердева, Оксана Н. "Маркеры немецкой культуры в 'Воспоминаниях' А. А. Фета." *Языки и литература в поликультурном пространстве*, 2022, no. 8: 62–65].